

ГАЛЛЫ: В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ЭТНОСА

Т.А. Михайлова

Институт языкознания РАН
tamih.msu@mail.ru

Проблемы смены языка и утраты этнической идентичности входят в сферу многочисленных и разнообразных научных интересов Андрея Александровича Кибрика. В то же время обращение к данным прошлых столетий, как мне кажется, может дать неожиданный и интересный для дальнейшего анализа сопоставительный материал.

«Каждая несчастливая семья несчастлива по-своему», — учит нас Лев Толстой, но вряд ли он прав. Моделей несчастливого брака на самом деле не так уж много, и каждый конкретный случай оказывается в итоге довольно банальным. То же можно сказать и о смене языка. Французский лингвист Ксавье Деламарр в небольшой статье, посвященной проблеме, почему галлы утратили свой язык, так и пишет: «Исчезновение галльского языка представляет собой банальный процесс» (Delamarre 2017: 23). Конечно, это так. Но называние процесса утраты языка банальным предполагает отождествление каждого конкретного случая с какой-то уже разработанной моделью, опирающейся на серию прецедентов. Так, сопоставление случаев смены языка аранутов, носителей диалекта албанского языка, и их перехода на язык греческий с аналогичным процессом имевшим место в Восточном Сатерленде, Шотландия, и перехода гэлов на английский язык привело в свое время Н. Дориан (2012) к разработке так называемой **ГАМ-модели**, в которой учитываются как внешняя ситуация (ВС), так и особенности речевого поведения (РС) и затем — структурные последствия ВС и РП (СП). Схему взаимодействия выделенных факторов см. также в Зассе 2012.

Что касается ВС, то тут с галлами, казалось бы, все достаточно ясно: они были завоеваны Римом, а точнее — градуально романизованы. Это вызвало изменения в их РП, за которым логически последовали и СП уже в самих галльских диалектах, приведшие к полной утрате языка и переходу на народную латынь уже к IV в. н.э. Нечто подобное происходило и в Ирландии, которая начиная с XII в. находилась под английским влиянием, что также вызвало градуальную англизацию общества и практически полный переход на английский как основной язык общения, точнее — на локальный субвариант литера-

турного английского языка (см. Hickey 2007). Однако в Ирландии смена языка и даже принятие английской культуры не вызвали смены этнической идентичности. Почему же утратили ее галлы и действительно ли они ее утратили?

Современный исследователь считает галлами всех носителей галльских диалектов, свидетельства чему сохранились в эпиграфике, этнонимике, топонимике и ономастике населения определенных регионов. Базируясь на данном принципе, мы можем выделить достаточно широкую область, в которой в свое время жили галлы: от Севера современной Италии до Бельгии и отчасти Германии (район Трира), а на Запад — до полуострова Бретань во Франции исключая район севернее Пиренеев, где жили аквитаны (предположительно, родственные баскам). Романизация южных зон началась уже в III в. до н.э., когда Римская республика расширила свои границы и присоединила к себе так называемую Цизальпинскую Галлию, то есть область распространения галльских диалектов южнее Альп. В I в. до н.э. население уже считалось гражданами Рима по рождению и подчинялось римскому праву. Римляне называли это регион *Gallia togata* — то есть «Галлия, облаченная в тоги», что имело важное символическое значение и демонстрировало ценностные установки населения. До нас дошло несколько надгробий, написанных этрусским письмом, которые расшифровываются как галльские и датируются II в. до н.э. Позднее исконный язык был полностью утрачен, и к началу кампании Цезаря данная область давно была фактически частью Рима и так себя и осознавала (Drinkwater 1984: 1).

Во II в. до н.э. римские интересы распространились севернее Альп в так называемую Трансальпинскую Галлию, причем вряд ли частичный ввод римских войск в южные районы современной Франции можно было в полной мере назвать вторжением или завоеванием. Небольшая греческая колония Массилия (район возле современного Марселя), основанная фокейцами еще в VII в. до н.э., отличающаяся пестротой народностей и языков, постоянно обращалась к Риму за военной помощью в попытках отразить набеги лигуров, а затем — кимбров и тевтонов. Во время похода Цезаря население скорее разделяло интересы «завоевателей» и не поддерживало еще отмечавшееся в северных районах движение сопротивления (Dietler 2010: 161). До нас дошло довольно значительное число надписей греческим алфавитом на безусловно галльском языке, датирующихся III–I вв. до н.э. То же можно сказать и о так называемой Нарбоннской Галлии, ставшей римской провинцией в 122 до н.э. Кроме смены языка, происходившей градуально, следует отметить и смену политического режима: отказ от монархии (точнее — ряда мелких локальных монархий) и переход к республиканскому правлению (Fichtl 2004: 118). Массилия и Нарбонн имели в Риме статус *civitas*, однако воспринимались как галльские колонии и назывались *Gallia braccata* — то есть «Галлия, носившая

штаны». Судя по свидетельствам более поздних античных авторов (Страбона, Цицерона, Тита Ливия и др.) население данных районов имело установку на латинскую культуру и латинский язык и постоянно ощущало собственную стигматизацию, что воплощалось и в смене РП. Интересно при этом, что, например, в житии св. Мартина Турского (уже IV в. н.э.) показан диалог жителя Аквитании и путника из северных земель, в ходе которого последний просит прощения за свой *sermo rusticior*, «деревенский выговор». Подобная глубина лингвистической интроспекции скорее удивляет, но видимо за ней стоит общая установка населения на смену идентичности.

К I в. до н.э. собственно Галлией оставались лишь Северные и Западные районы современной Франции, так называемая *Gallia comata* — «косматая Галлия», иначе — Лугудунская Галлия. Именно эти районы и были завоеваны во время кампании Цезаря, толчком к которой послужил приезд в Рим друида эдуев Дивитиака: он просил военной помощи для защиты от очередного нападения германских племен и выступил с речью в сенате против секванов, которые в 62 году до н.э. объединились с германцами. Лугудунская Галлия, как принято считать, была романизована также довольно быстро, создав особый этно-лингвистический феномен: галло-римляне. До нас дошло при этом огромное число памятников на галльском языке, написанных как латинским инициалом (надгробия и votивные памятники), так и курсивом (надписи на керамике, на пряслицах, на свинцовых табличках), в основном имитирующих аналогичные латинские модели. Существуют также античные свидетельства того, что галльский был языком общения в отдельных районах еще в IV в. При всей их функциональной ограниченности, текстов дошло до нас так много, что в них уже можно отметить определенные диахронические сдвиги, выражающиеся в смещении ударения, редукции, лениции консонантов в слабых позициях, апокопизации и так далее. Вряд ли все это СП латинского влияния: несомненным является наличие черт, характеризующих дальнейшее развитие уже островных кельтских языков (см. Lambert 1997). Но проверить, по какому пути пошел бы галльский, если бы ему суждено было сохраниться, мы не можем. Более того, в настоящее время существует тенденция пересмотра свидетельств латинских авторов, писавших о *sermo Gallico*: предположительно, речь шла не о собственно галльском языке, но о латыни с сильным галльским акцентом, иначе — уже прото-французском (Blom 2009).

Карта распространения Империи II–IV вв. н.э. демонстрирует множество разнородных этнически и лингвистически зон. Как мы понимаем, вся эта область представляет собой районы пестрого, нестабильного языкового контактирования, в ходе которого разные формы народной латыни (которые сами также не были однородны и находились в состоянии диглоссии с латынью официальной) смешивались с местными языками, причем далеко не всегда

это обязательно кончалось рождением того или иного прото-романского языка (см. Mullen, James 2012). При всем разнообразии ВС и РП можно отметить и некоторые общие тенденции. Сравним этно-лингвистические и социальные ситуации в при-рейнских северных зонах, где жили в основном треверы и медиоматрики, и юго-восточную Британию, где жили бритты. Так, в обеих зонах был высокий уровень романизации, но при этом, в отличие от районов центральной Франции, там не была распространена письменность на автохтонных диалектах. Именно там, в бывшей «косматой Галлии», прошедшей достаточно многоплановый путь романизации, во время германского нашествия V в. вдруг начала не только превалировать народная латынь, но на нее перешли и сами завоеватели, основавшие в 486 г. первое Франкское королевство. В районах, которые были не меньше романизованы на уровне административном и культурном, но где кельтские диалекты письменности не обрели и сохранялись как разговорные (до IV-V вв.), германские племена не только уничтожили латынь, но и насадили свои языки, вытеснив местные. Так сложилась этно-языковая ситуация в районе современного Трира, а также — восточной Британии, утратившей и языковую, и этническую идентичность после вторжения саксов в V в.

В рамках распространенной модели поглощения этносом-Т языка и культуры этноса-А, естественно, следует учитывать и разницу культурного потенциала. Поэтому не следует удивляться тому, что римляне не повлияли на язык и культуру эллинов и иудеев. Интереснее другое: латинская культура для галлов оказалась противостоящей не собственной культуре, а германской. Вовлеченность в так называемую *Rex Romana* в историческом и географическом понятии слова, видимо, служила иллюзией некоей гарантии сохранения собственной этнической идентичности, прикрытой римским щитом. Идентичности — противостоящей германской. А вот в Ирландии ничего подобного не было: возникшая в XIII в. оппозиция «завоеватели — местное население» изначально была только бинарной и никакой иной.

Не случайно лозунг «Наши предки — галлы», выдвинутый Наполеоном III, появился во Франции именно в 1870 году после начала франко-прусской войны. Фраза «В прежние времена наша страна называлась Галлией» до недавнего времени открывала все школьные учебники французского языка, включая Сенегал, Алжир и Индокитай... (Bouche 1968).

Литература

- Дориан Н. 2012. Утрата и сохранение языка в ситуациях языкового контакта. В кн.: Н. Б. Вахтин. *Социоллингвистика и социология языка. Хрестоматия*. СПб.: Издательство Европейского университета, 382–401.

- Засе Х.-Ю. 2012. Теория языковой смерти. В кн.: Н. Б. Вахтин. *Социоллингвистика и социология языка. Хрестоматия*. СПб.: Издательство Европейского университета, 433–459.
- Blom A. H. 2009. *Lingua gallica, lingua celtica: Gaulish, Gallo-Latin, or Gallo-Romance? Keltische Forschungen*, bd. 4, 7–54.
- Bouche D. 1968. Autrefois, notre pays s'appelait la Gaule...: Remarques sur l'adaptation de l'enseignement au Sénégal de 1817 à 1960. *Cahiers d'Études Africaines*, v. 8, c. 29, 110–12.
- Delamarre X. 2017. Pourquoi le galois a-t-il perdu sa langue? In: X. Delamarre. *Les noms des gaulois*. Paris: Les Cent Chemins, 21–23.
- Dietler M. 2010. *Archaeology of Colonialism. Consumption, Entanglement and Violence in Ancient Mediterranean France*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Drinkwater J. F. 1984. *Roman Gaul. The Three Provinces, 59 BC — AD 260*. London-Sidney: Croom Helm.
- Fichtl S. 2004. *Les peuples gaulois. III–I s. av. J.-C.* Paris: Edition errance.
- Hickey R. 2007. *Irish English. History and Present-day Forms*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lambert P.-Y. 1997. Gaulois tardif et latin vulgaire. *ZCP*, bd. 49–50, 397–413.
- Mullen A., James P. (eds.) 2012. *Multilingualism in the Graeco-Roman worlds*. Cambridge: Cambridge University Press.